

шей, Левинъ, это—Коля Иртенъевъ. Ребенокъ,—онъ уже подь бременемъ этого разлада, сомнѣннй и уже теперь завидуетъ «цѣльности» и характерамъ. Раздвоенность въ немъ почти съ рожденія и постоянно поддерживается массою нездоровыхъ условій семейной жизни; она могла бы быть, лёгче всего, объяснена унаслѣдованіемъ противуположенныхъ началъ отца и матери. Здѣсь передъ нами одна изъ тѣхъ искусственныхъ семей «спаекъ», которыхъ такъ часто уже рисовалъ передъ нами гр. Толстой, изображая жизнь великосвѣтскаго круга, и которую впоследствии, въ «Аниѣ Керениной» онъ еще рельефнѣе и лучше воспроизвелъ въ четѣ Облонскихъ—Стивы и Доли. Въ «Дѣтствѣ» эта чета представлена лишь въ миниатюрѣ, сохранивъ, однако, все сходство въ распредѣленіи ролей жертвы и палача. Грустную исторію молодого сердца нарисовалъ гр. Толстой въ своей повѣсти, исторію, къ сожалѣнію, нерѣдкую въ нашихъ дѣтяхъ, *des enfants de bonne maison*, въ нашихъ великосвѣтскихъ семьяхъ въ особенности, въ тряпичномъ царствѣ великосвѣтскихъ львовъ и львицъ, франтовъ и франтихъ, въ этомъ особомъ «мірѣ безъ привязанностей, безъ дѣтей, безъ нянекъ, безъ колыбелей, безъ домашнихъ очаговъ, безъ мужей и безъ женъ, а только съ одними мужчинами и женщинами», гдѣ все, на видъ, такъ «эстетично», такъ чинно и благоустроено, такъ шито-крыто... Одной матери (образъ которой такъ симпатично нарисованъ гр. Толстымъ) своей героѣ нашъ обязанъ еще своими добрыми качествами,—тѣмъ врожденнымъ его натурѣ началомъ, которое мы будемъ всегда впоследствии разумѣть въ немъ, называя его «этическимъ» началомъ его натуры, въ отличіе отъ гибельнаго, привитаго ему отцемъ, гувернерами, обществомъ—эстетическаго. И вотъ, пока мать жива, пока связь героя нашего съ этою любящею и несчастной женщиной не порвана,—и